

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СТЕНДАЛЬ

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Роман

Харьков
«Фолио»
2016

Часть первая

*Правда! Пусть горькая, но только
одна правда.*

Дантон

I

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД

*Put thousands together — less bad.
But the cage less gay.*

Hobbes¹

Маленький город Верьер может считаться одним из самых красивых во Франш-Конте. Его белые домики с островерхими крышами из красной черепицы тянутся по склону холма, малейшие извилины которого обозначаются группами могучих каштанов. Ду течет в нескольких сотнях футов от его укреплений, построенных некогда испанцами и теперь лежащих в развалинах. С северной стороны Верьер защищен высокой горой, одним из отрогов Юры. Расколотые вершины Верьера покрываются снегом с самых ранних октябрьских холодов. Поток, низвергающийся с горы, протекает по Верьеру до своего впадения в Ду и приводит в движение множество лесопилен; эта очень простая промышленность служит источником существования главной части населения, состоящего больше из крестьян, чем из горожан. Однако не лесопильни обогатили этот городок. Фабрике набивных тканей, известных под названием мюлузских, обязаны жители своим благосостоянием, которое позволило им со времени падения Наполеона перестроить фасады почти всех домов Верьера.

У самого въезда в город всякого новоприбывшего оглушает стук машины, на вид очень страшной. Двадцать тяжелых молотов, падающих с гулом, от которого дрожит мостовая, поднимаются колесом, приводимым в действие водным потоком. Каждый из этих молотов изготавливает ежедневно не знаю сколько тысяч гвоздей. Молоденькие девушки, цветущие и хорошенькие, подставляют под удары этих огромных молотов кусочки железа, в мгновение ока превращаемые в гвозди. Эта работа, по-видимому,

¹ Если в клетку посадить даже тысячу, то все же клетка не станет местом веселья. Го ббс (англ.).

столь тяжелая, больше всего поражает путешественника, первый раз очутившегося за горами, отделяющими Францию от Гельветии. Если, войдя в Верьер, путешественник спросит, кому принадлежит эта прекрасная фабрика, оглушающая прохожих, идущих по Большой улице, ему ответят с протяжным акцентом: «Э! Она принадлежит господину мэру».

Если путешественник хоть на несколько минут остановится на этой Большой улице Верьера, которая тянется от берега Ду до вершины холма, то можно держать пари на сто против одного, что он встретит высокого человека с видом озабоченным и важным.

При его появлении все шляпы поспешно приподнимаются. У него волосы с проседью, одет он во все серое. Он — кавалер нескольких орденов, имеет большой лоб, орлиный нос, и в общем лицо его не лишено некоторой правильности; даже находят, с первого взгляда, что оно соединяет с достоинством провинциального мэра некоторую приятность, насколько это возможно в сорок восемь или пятьдесят лет. Но вскоре парижанина поражает самодовольный вид, соединенный с некоторой ограниченностью и глупостью. Он чувствует наконец, что все способности этого человека ограничиваются умением заставлять аккуратно уплачивать все, что ему должны, и платить как можно позже, когда он сам должен.

Таков мэр Верьера, г-н де Реналь. Степенным шагом переходит он улицу и скрывается из глаз путешественника, войдя в мэрию. Но если тот продолжит прогулку вверх по Большой улице, то в ста шагах увидит прекрасный дом, а сквозь железную решетку, к нему примыкающую, великолепные сады. За домом виднеются на горизонте холмы Бургундии, словно созданные для того, чтобы любоваться ими. Этот вид заставляет путешественника забыть зараженную мелкими денежными интересами атмосферу, от которой он уже начинал задыхаться.

Ему сообщают, что этот дом принадлежит г-ну де Реналю. Барышам, получаемым со своей большой фабрики гвоздей, мэр обязан этим прекрасным жилищем из тесаного камня, которое он в настоящее время достраивает. Г-н де Реналь происходит, как говорят, из испанской семьи, очень старинной и поселившейся в этой местности задолго до завоевания ее Людовиком XIV¹.

¹ Людовик XIV — французский король, жил с 1643 по 1715 год.

С 1815 года он стыдится того, что сделался промышленником: 1815 год возвел его в мэры Верьера. Стены, расположенные террасой, поддерживающие различные части этого великолепного сада, постепенно спускающегося к Ду, были возведены тоже благодаря умению г-на де Реналья вести торговлю железом.

Не надейтесь найти во Франции живописные сады, подобные тем, что окружают промышленные города Германии: Лейпциг, Франкфурт, Нюрнберг и другие. Чем больше воздвигают стен во Франш-Конте, чем больше выпячивают свое богатство, нагромождая камни одни на другие, тем больше приобретают прав на уважение соседей. Если сады г-на де Реналья, разгороженные стенами, еще и теперь возбуждают восторг, то это потому, что он ценной полновесного золота купил участки земли, ими занимаемые. Например, та лесопильня, странное положение которой на берегу Ду вас поразило при въезде в Верьер и на которой вы заметили фамилию Сорель, написанную гигантскими буквами на доске, возвышающейся над крышей, занимала шесть лет назад то самое место, где теперь строят четвертую террасу садов г-на де Реналья.

Несмотря на свою гордость, господину мэру пришлось порядочно повозиться со старым Сорелем, мужиком грубым и упрямым. Г-ну де Реналью пришлось отсчитать ему немало блестящих золотых луидоров, прежде чем добиться, чтобы он перенес свою лесопильню в другое место. Что касается *городского* ручья, приводящего в движение лесопильню, то г-н де Реналь получил позволение отвести его русло благодаря своему влиянию в высших парижских сферах. Эта милость была дарована ему после выборов 182... года.

Он дал Сорелю вместо одной четыре десятины в пятистах шагах ниже по берегу Ду. И хотя это положение было гораздо выгоднее для торговли еловыми досками, но *папаша Сорель*, как его зовут с тех пор, как он разбогател, сумел сорвать из-за обуявших соседа нетерпения и горячего желания еще круглую сумму в шесть тысяч франков.

Правда, эту сделку очень осуждали местные умники. Однажды — это было в воскресенье, четыре года назад — г-н де Реналь, возвращаясь из церкви в одеянии мэра, увидел издали, как Сорель, окруженный тремя сыновьями, ухмылялся, посматривая на него. Эта усмешка пролила роковой свет в душу господина мэра. С тех пор он думает, что мог бы совершить сделку гораздо дешевле. Для того, чтобы добиться общественного уважения в Верьере, надо стараться, строя как можно больше стен, никоим образом не принимать чертежей, заносимых сюда из Италии каменщиками,

которые пересекают горные проходы Юры весной, направляясь в Париж. Подобное нововведение создало бы неосторожному строителю прочную репутацию вздорного человека, и он бы навеки погиб во мнении людей благоразумных и умеренных, пользующихся уважением во Франш-Конте.

В сущности, эти благоразумные люди проявляют самый неслыханный *деспотизм*; благодаря этому деспотизму жизнь в маленьких городках нестерпима для всякого, кто пожил в великой республике, называемой Парижем. Тирания мнения — да еще какого мнения! — так же глупа в маленьких городах Франции, как и в Соединенных Штатах Америки.

II

МЭР¹

L'importance! Monsieur, n'est ce rien?
— *Le respect des sots, L'ébahissement des enfants,*
L'envie des riches, le mépris du sage.

Barnave²

К счастью для репутации г-на де Реналья как администратора, появилась потребность в громадной стене для укрепления общественного места для прогулок, идущего вдоль холма в ста футах над Ду. Выбор этого очаровательного места для общественных прогулок объясняется тем, что здесь один из самых живописных видов во всей Франции. Но каждую весну дождевые воды размывали этот бульвар, прорывали рытвины и делали его невозможным для гулянья. Именно это неудобство, признаваемое всеми, поставило г-на де Реналья в счастливую необходимость увековечить память о своем управлении стеной в двадцать футов высоты и в тридцать или сорок туа³ длины.

¹ Мэр — буквально значит старшина. Это звание лица, стоящего во главе городского и сельского управления во Франции, в Англии и США. Во Франции мэр был выборным представителем общины, состоящим под контролем префекта полиции.

² Престиж! Разве это, сударь, не ничтожно? Уважение глупцов, изумление детворы, зависть богачей, презрение мудреца. Барна в.

Этот эпиграф принадлежит Антуану Пьеру Барнаву. Барнав — деятель буржуазной Французской революции 1789 года. Родился в Гренобле, на родине Стендаля, в 1761 году. Был казнен в 1793 году.

³ Туа за — франц. мера длины, около сажени.